

Чэнь Жун трясло от негодования, слезы крупными каплями катились по её лицу.

— Разве так поступает отец? — сквозь рыдания вымолвила она. — Видать, Цю'эр в прошлых жизнях совершил нечто ужасное, раз ему достался такой непутевый родитель, не смыслящий, что творит!

Юноша молча налил ей чашку воды. Лишь спустя долгое время женщина смогла немного успокоиться.

— Прости, что заставила тебя на всё это смотреть, — вытирая лицо, произнесла она. — Впервые в гостях — и сразу такая сцена.

— Тетушка, к чему эти извинения? Мы — ваша семья. После того как не стало свекра, мы с Цинъянем — ваша опора. Мы приехали сюда именно для того, чтобы поддержать вас.

Она снова прослезилась и крепко сжала руку Ван Ина.

— Доброе ты дитя... Теперь я понимаю, почему невестка так тебя полюбила. Ты и впрямь человек чуткий.

Тот протянул ей чистый платок.

В последнее время Чэнь Жун было невыносимо тяжело: семейные беды нельзя было доверить посторонним, а детей не хотелось обременять взрослыми заботами. Горечь копилась в сердце, и теперь, когда рядом оказался понимающий слушатель, слова полились из неё рекой.

— Посмотри на него! Сам ничего не умеет, а всё ждёт, что на него манна небесная свалится. В молодости нос воротил от торгового люда, всё мечтал о чинах да славе. Семья больше десяти лет его кормила, пока он книги читал, а в итоге — ни одной ученой степени, ничего путного!

Тетушка перевела дух и, едва сдерживая горечь, продолжила:

— Теперь, когда годы ушли, ему вдруг приспичило в купцы податься. Хорошую школу, которая кормила нас, закрыл в один миг — приспичило ему, видите ли, собственную лавку открыть. И что в итоге? Просадил всё подчистую, одни долги оставил.

Раньше семья Линь считалась зажиточной, ведь мало кто мог позволить себе годами содержать ученого. Однако никакое богатство не устоит перед подобным расточительством. Пока был жив старый господин Линь, он еще как-то сдерживал сына, но после его смерти Линь Чанбинь окончательно дал себе волю.

— Теперь вот устроился счетоводом в ломбард. Думала я — угомонился, — сокрушалась Чэнь Жун. — Да куда там! Спутался с этими Фанами. Что это за люди? В уезде Лунцюань их слава воняет на каждой улице! Есть у них мешок вонючих денег, так они и рады творить что вздумается. Ни один порядочный человек не отдаст им свое дитя — засмеют ведь, в спину плевать станут!

— Тетушка, пока еще ничего не решено, не терзайте себя так. Мы здесь пробудем пару дней и постараемся вразумить дядю.

— А вы сможете задержаться подольше?

— Посмотрим по обстоятельствам. Завтра мы планировали найти в городе цзяохан, чтобы отправить нянли четвертому дяде в Лайчжоу, а послезавтра придется возвращаться. Конец года на носу, овощную лавку Ван надолго не закроешь.

Чэнь Жун шмыгнула носом.

— Ты говорил, что открыл лавку. Как дела идут?

— Понемногу. На жизнь хватает, да и на нужды семьи остается. Живем чуть вольготнее, чем прежде.

— И то слава богу. Лишь бы на душе было спокойно, а денег — сколько есть, столько и ладно. Вы с Цинъянем уже не дети, вам бы о первенце подумать пора.

Раньше подобные разговоры вызывали у Ван Ина лишь неловкость, но теперь, когда их отношения с мужем изменились, он уже не чувствовал былого отторжения. Не зная, как сложится судьба, он просто вежливо кивнул в ответ.

В основной комнате Линь Чанбинь тоже едва сдерживал гнев. Набивая рот едой, он ворчал:

— Твоя тетка совсем жизни не знает. Неужто она думает, что если найти Цю'эру какого-нибудь честного бедняка, так он счастлив будет? За всё — за дрова, за рис, за масло — платить надобно! Нет монет — и жрать нечего, какая уж тут жизнь...

— Дядя, вы не правы, — не выдержал Чэнь Цинъянь. — Деньги — дело наживное, а вот нрав человека — это основа. Если брат, выйдя замуж, будет терпеть побои и унижения, никакое богатство его не утешит.

— Не слушай ты свою тетку! — отмахнулся Линь Чанбинь. — Фан Шэнь вовсе не такой дурной,

как о нем болтают. Ну, любит парень в борделях посидеть, так это всё оттого, что дома его никто не ждет. Женится — сразу остепенится, некогда ему будет по притонам шляться.

Чэнь Цинъянь слушал это с нарастающим отвращением. Как мог человек, имеющий степень сюэца, нести подобную околесицу?

— Пьянство, блуд и азартные игры — это болото, из которого не выбирают! Сын моего второго дяди тоже клялся, что завяжет, а в итоге промотал всё наследство. Даже когда ему в игорном доме три пальца отрубили, он не покаялся. С чего вы взяли, что этот человек изменится после свадьбы?

Линь Чанбинь прищурился. Он понял: племянник пришел не просто так, а для того, чтобы заступиться за тетку.

— Полно. Давай лучше выпьем.

— Дядя, брак — дело серьезное, нельзя проявлять такую поспешность...

Линь Чанбинь с силой хлопнул палочками по столу, схватил шапку и, не говоря ни слова, вылетел из дома.

Чэнь Цинъянь порывался догнать его, но тетушка, вышедшая на шум, удержала его за рукав.

— Оставь его. Пусть идет.

— Куда же он в такой час?

Тетушка горько усмехнулась.

— У него найдется где голову преклонить. Вы лучше умывайтесь да ложитесь отдыхать. Ложитесь в восточной комнате, я уже всё приготовила. А я с детьми в западной улягусь.

Погасив лампу и улегшись в постель, Ван Ин и Чэнь Цинъянь долго не могли уснуть. Находясь в чужом доме, они не решались перенестись на Экспериментальное поле, поэтому Ван Ин просто сел на кровати, накинув на плечи одежду.

— Слушай, что твой дядя на самом деле задумал?

— Не знаю. Может, он и впрямь верит, что молодой господин Фан — завидный жених.

Ван Ин покачал головой.

— Сомневаюсь. У меня такое чувство, что этот Фан пообещал твоему дяде какую-то выгоду. Иначе с чего бы ему так настойчиво пытаться впихнуть родного сына кому-то на место покойного супруга?

— Но у дяди ведь нет сыновей-наследников, — возразил Цинъянь. — Когда Цю'эр выйдет замуж, они с теткой останутся вдвоем. К чему ему эти богатства такой ценой?

— В том-то и дело. Почему он так уперся именно в этого человека?

— Сам не пойму. Кажется, здесь кроется какая-то тайна.

— Ладно, — вздохнул Ван Ин, — гадать бессмысленно. Завтра найдем Цао Куня и расспросим его. У него в городе связи обширные, он должен знать этого Фана.

На следующее утро Линь Чанбинь вернулся домой в прекрасном расположении духа. Он весело поздоровался с племянниками, будто и не было вчерашней ссоры. Тетушка даже не спросила, где он провел ночь. Атмосфера в доме была натянутой, воздух буквально искрился от невысказанных обид, грозя в любую секунду взорваться новым скандалом.

После завтрака Ван Ин и Чэнь Цинъянь собрались в город, чтобы найти цзяохан. Дядя Линь вызвался проводить их, но Ван Ин вежливо отказался:

— Не стоит беспокоиться, дядя. Мы хотим еще по улицам погулять, задержимся до поздна.

Линь Чанбинь не стал настаивать — в такой холод ему и самому не хотелось лишний раз нос на улицу высовывать.

Зато тетюшка подала голос:

— Цю'эр, сходи с братом и его супругом. Они города не знают, заблудятся еще чего доброго.

Младший, Линь Суй, тоже порывался пойти, но мать строго зыркнула на него, и он послушно остался дома. Линь Цю натянул толстый ватный халат и молча последовал за гостями. Мальчик был на редкость тихим и замкнутым; всю дорогу он держался позади, словно маленькая тень.

— Братец, ты не знаешь, где тут поблизости надежный цзяохан? — спросил Ван Ин.

Линь Цю, закутанный в теплый шарф так, что видны были одни глаза, указал рукой на юг:

— Если идти прямо, скоро увидите вывеску.

Спустя полчаса пути они и впрямь наткнулись на цзяохан. У ворот стояло несколько телег, рабочие споро разгружали тюки с товаром. Ван Ин подошел к одному из них:

— Доброго здоровья. Не подскажете, работает ли у вас человек по имени Цао Кунь?

Рабочий во весь голос зычно крикнул в сторону конторы:

— Второй хозяин! Тут к тебе молодой гэ'эр пришел!

Сидевшие неподалеку мужики дружно загоготали. Из дверей вышел Цао Кунь. Увидев Ван Ина, он на мгновение оторопел, а затем рявкнул на подчиненных:

— А ну заткнитесь, пустобрехи! — Повернувшись к гостю, он уже тише добавил: — Лавочник Ван? Какими судьбами?

— Дело у меня. Нужно отправить подарки четвертому дяде в Лайчжоу. В нашем поселке нет возчиков на такие расстояния, вот и пришел в город поспрашивать.

Цао Кунь нахмурился.

«Странно. Они ведь каждый день овощи из Лайчжоу получают. Могли бы и сами отправить»

Ван Ин, словно прочитав его мысли, пояснил:

— Мы перехватываем товар на полпути, так далеко наши люди не ездят. К тому же у нас всего один мул — если отправим его в Лайчжоу, некому будет за овощами ездить.

— На улице стужа, — пригласил Цао Кунь. — Проходите в дом, там обсудим.

Чэнь Цинъянь и Линь Цю последовали за ними. Внутри было просторно, вдоль стен громоздились товары, с полдюжины приказчиков сновали туда-сюда. Цао Кунь провел их в отдельную комнату и плотно прикрыл дверь.

— А я уж грешным делом подумал, что вы решили в городе торговлю открыть, — усмехнулся он.

Ван Ин понял намек: цены на овощи в городе взлетели до небес, и Цао Кунь явно опасался, что его поставщик решит избавиться от посредника и открыть свою лавку.

— Город для нас чужой, — успокоил его юноша. — Да и денег таких на аренду у нас нет. Пока даже не думали об этом.

Цао Кунь заметно расслабился и довольно улыбнулся.

— Так что вы хотели отправить в Лайчжоу?

— Пять коробов со снедью. Ничего ценного, просто гостинцы к празднику. Сколько возьмете за доставку?

— Да пустяки, через пару дней как раз обоз в ту сторону пойдет, подкинем за так. О каких деньгах речь!

— Нет, — твердо возразил Ван Ин. — Дела есть дела. Вы занимаетесь извозом, мы пользуемся услугами. Называйте цену.

— Ну, раз так... Давайте два гуаня, и по рукам.

Цена была вполне справедливой. Ван Ин знал, что даже до соседнего уезда довезти телегу товара стоит не меньше одного гуаня.

— Хорошо. Я напишу адрес, а позже наши люди подвезут короба.

— Договорились. Не беспокойтесь, доставлю в лучшем виде.

— И еще один вопрос к вам, почтенный Цао, — Ван Ин понизил голос. — Хочу разузнать об одном человеке. Слыхали ли вы что-нибудь о семье Фан здесь, в городе?

— Фанов в городе пруд пруди. О ком именно речь?

— О втором сыне. Говорят, семья богатая, владеет множеством лавок.

Линь Цю резко вскинул голову. Он и не чаял, что супруг брата решит разузнать о его женихе. Цао Кунь задумчиво потер подбородок:

— Второй сын Фанов... Уж не о Фан Шэне ли вы спрашиваете? Его семья торгует золотом, нефритом да древностями. Держат пять-шесть лавок в хороших местах.

Линь Цю судорожно кивнул и едва слышно прошептал:

— О нем.

Цао Кунь поднял взгляд на юношу. Их глаза на миг встретились, и Линь Цю, испугавшись, как загнанный олененок, тут же отвел взгляд в сторону.

— И что он за человек? — прямо спросил Ван Ин.

— О нраве его судить сложно, я с ним дел не водил. Но слухи ходят недобрые: говорят, он из веселых кварталов не вылазит, на певичек да наложниц целые состояния спускает. В городе он известен как первый повеса и гуляка.

Услышав это, Линь Цю едва сдержал слезы. Чэнь Цинъянь тоже помрачнел, но из уважения к чувствам брата промолчал.

— Где его обычно можно встретить? — продолжал расспросы Ван Ин.

— В павильоне Цзуйхуа или в квартале Цююэ. Он там частый гость. А зачем он вам, если не секрет?

— Личное дело. Благодарю за помощь, почтенный Цао.

Ван Ин поднялся, давая понять, что разговор окончен. Цао Кунь проводил их до самых ворот, невольно задержав взгляд на молчаливом и хрупком гэ'эре. Лишь когда троица скрылась из виду, он вернулся к делам.

Подскочившие помощники тут же принялись подшучивать:

— Второй хозяин, кто это такие?

— Старый заказчик. А тот высокий парень рядом — его муж, так что языки прикусите и не несите чепухи.

— Ох, хозяин, а вам-то самому не пора бы остепениться? — хохотнул один из возчиков. — А то ваш «посох» скоро ржавчиной покроется.

Цао Кунь в шутку одарил каждого по затрещине:

— А ну брысь отсюда! Делом займитесь, бездельники, и не лезьте не в свои дела.

На обратном пути Линь Цю уже не скрывал слез. Он и представить не мог, что родной отец прочит ему в мужья такого человека. В сердце юноши поселилось черное отчаяние — уж лучше в петлю, чем в такой дом.

Ван Ину было больно на это смотреть. Будь Линь Цю чужим человеком, он бы, может, и промолчал, но это был его двоюродный брат, и бросать его в беде было нельзя.

Чэнь Цинъянь вдруг остановился.

— Нет, так не пойдет. Я должен своими глазами увидеть этого человека. Если он и впрямь так дурен, как о нем говорят, я найду способ переубедить дядю.

Ван Ин думал так же. Не раздумывая долго, он повел Линь Цю в ближайшую лавку готового платья. Там они купили два комплекта простой мужской одежды, решив тайно пробраться в бордель.

Они убрали волосы в пучки, закрепив их лентами, и спрятали на шее и лице родимые пятна беременности. Теперь оба гэ'эра походили на обычных подростков из простонародья.

— Идемте, — решительно произнес Ван Ин. — Пора познакомиться с этим Фан Шэнем поближе!

<http://bllate.org/book/15812/1434886>